

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А87

Художник *Андрей Бондаренко*

Фото автора на переплете — из его личного архива

Архангельский, Александр Николаевич.

А87 Бюро проверки : роман / Александр Архангельский. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 442, [6] с. — (Проза нашего времени.)

ISBN 978-5-17-120754-0

Александр Архангельский — прозаик, телеведущий, публицист. Автор книг «Музей революции», «Цена отсечения» и других, составитель серии «Счастливая жизнь». В его прозе история отдельных героев всегда разворачивается на фоне знакомых примет времени.

Новый роман «Бюро проверки» — это и детектив, и история взросления, и портрет эпохи, и завязка сегодняшних противоречий. 1980 год. Загадочная телеграмма заставляет аспиранта Алексея Ноговицына вернуться из стройотряда. Действие романа занимает всего девять дней, и в этот короткий промежуток умещается всё: история любви, религиозные метания, просмотры запрещенных фильмов и допросы в КГБ. Всё, что происходит с героем, — не случайно. Кто-то проверяет его на прочность...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120754-0

© Архангельский А.Н.
© ООО «Издательство АСТ»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая ВОЗВРАЩЕНИЕ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ. 19. 07. 1980	II
ДЕНЬ ВТОРОЙ. 20. 07. 1980	71
ДЕНЬ ТРЕТИЙ. 21. 07. 1980	120
ДЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ. 22. 07. 1980	178

Часть вторая СВИДАНИЕ

ДЕНЬ ПЯТЫЙ. 23. 07. 1980	247
ДЕНЬ ШЕСТОЙ. 24. 07. 1980	305
ДЕНЬ СЕДЬМОЙ. 25. 07. 1980	326
ДЕНЬ ВОСЬМОЙ. 26. 07. 1980	364

Эпилог ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ

27. 07. 1980 / 28. 07. 1980	415
-----------------------------------	-----

*Мы живём
или перед войной,
или после войны.*

Инна Лиснянская

Часть первая

ВОЗВРАЩЕНИЕ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

---

19. 07. 1980

I

Поезд ехал три дня и две ночи. Вагон был набит под завязку, пахло подгнивающими помидорами, мужички дымили горькой «Примой» и по коридору расплзлось марево. В соседнем купе днём и ночью звенели стаканы: там смеялись, плакали, ругались и мирились, чокались и пели вразнобой. То «поутру они проснулись», то «мимо пролетают поезда», то «не жалею, не зову, не плачу». Кто-то резко ударял по струнам и, заглушая пьяную компанию, рычал: «Но что-то кони мне достались при-ве-ред-ливия...» Купе благоговейно умолкало.

В Рязани объявили долгую стоянку. Через весь состав проследовал наряд милиции: милиционеры были в синих форменных рубашках с коротким рукавом; за ними, безвольно свесив язык и тяжело дыша, плелась овчарка. Сухощавый капитан пролистывал паспорта, смотрел пропуску, иногородним приказывал выйти. Ну да, гражданочка, билеты продали. А не имели права продавать: в столице нашей Родины — Олимпиада. И, приподняв фуражку, про-

мокал платочком лысину, продолговатую, как самаркандская дыня.

Я помнил, что сегодня олимпийское открытие: газеты привозили в стройотряд еженедельно, радиоточка гремела от гимна до гимна, с шести до двенадцати ночи, союз нерушимый республик свободных сплотила навеки велииикааая Русь, а в сасыкольском штабе был почти исправный телевизор. По вечерам я удлинял антенну на транзисторном приёмнике, приворачивал к ней тонкий медный провод, закидывал его на крышу и слушал короткие волны — то религиозные беседы Гаккеля на Би-Би-Си, то проповеди Шмемана на радио «Свобода», то набредал на радио Израиля и не мог удержаться от смеха: «Отряд получил боевое крещение». Заодно проглатывал и вражеские новости. Слышно было несравненно лучше, чем в столице: в степи глушилки ставить бесполезно.

Если бы тогда, на факультетском комитете комсомола, я получил желанную рекомендацию, не пришлось бы ехать в этот чёртов стройотряд, а значит, не пришлось бы возвращаться прежде срока. Выучил бы польский или чешский (а может быть, чем чёрт не шутит, и мадьярский, с его зубодробительной фонетикой, дьодзьертар, сепьек ланьок, мене бекерюль), встречал бы туристические группы в Шереметьеве, по вечерам писал секретные отчёты для кураторов из Комитета, а часов с семи утра стоял бы, сонный, у входа в гостиницу «Спутник» и торопил похмельных чехов, венгров, югославов и поляков: Товарищи, автобус ждёт... Товажишче, аутобус чека... Молим те иди у аутобусу... улызы

у кабину... Но мне рекомендацию не дали: комсомольский секретарь пропихивал своих девчонок. Пришлось отправляться в дальний стройотряд, где всё, что творилось в Москве, казалось чужим и далёким. Кто бы ни рассказывал. Советский ведущий торжественным голосом или западный диктор — глухим. Дорогому Леониду Ильичу вручали орден золотой звезды вьетнамского героя, июньский пленум выражал поддержку братскому афганскому народу, академик Сахаров, ещё зимой отправленный в закрытый город Горький, заявлял решительный протест, хорошела олимпийская столица, наши давили душманов, моджахеды бились за свободу, несколько спортивных федераций подключились к бойкоту Москвы. И тут же — музыкальное сопровождение:

*Не страшны дурные вести,
Начинаем бег на месте,
В выигрыше даже начина-ю-щий.
Крррасота! среди бегущих
Первых нет — и отстающих,
Бег на месте обще-прими-ря-ю-щий.*

На вокзале пахло горячим асфальтом, свежие лужи сияли. Торговцы шумно выгружали помидоры, проводницы протирали поручни, дамы, подобрав края цветастых юбок, царственно спускались по ступенькам, вдоль вагонов пробежали торговки и умоляюще зывали к пассажирам:

— Ка-а-артошечка! С у-у-укропчиком!

— Беру! — прокричал я, высунувшись из окна.

— А вот кому солёные огурчики? — немедля подскочила торговка.

— И огурцы.

— Пиво! Кура! С вас три рубля!

— А почему так дорого?

— Уступим! Два пи-исят!

Я вернулся в пустое купе (моим попутчикам пришлось сойти в Рязани), снял тяжёлые и неудобные очки, протёр холщовой тряпочкой царапанные линзы: стёкла дорогие, цейссовские, папа где-то раздобыл по блату, их пора бы поменять, только где сейчас достанешь новые? Откупорил прохладное пиво; этикетка на бутылке отпотела и сползла, как переводная картинка. Выложил картошку на промокшую газету, а курицу на жирный целлофан, серой горкой насыпал кристаллическую соль. Посмотрел с вождением; вспомнил, что перед едой не помолился. Вдохнул, пробормотал скороговоркой: «...ястие и питие рабом Твоим...» Вот теперь совсем другое дело. Благодать. Правда, жарко и душно, как в бане, зато перекреститься можно, не скрываясь. Всю дорогу приходилось складывать пальцы щепотью и солить еду крест-накрест, чтобы никто не заметил. И крестик я на всякий случай подколот с изнанки, под кармашек. Мало ли какой попутчик попадётся; донесёт — проверят документы, сообщат в Московский императорский университет (в восьмидесятом стало модно так его именовать), и доказывай потом, что ты не верблюд. Нет; бережёного Бог бережёт.

Только что прошла обвальная гроза, и за окнами сверкала зелень, а там, в степи, всё было плоское

и жёлтое, от деревьев тянулись облезлые тени. Бараки из серого шифера были сколочены наспех, стёкла в окнах заменял полиэтилен, и всё время уныло зудадела мошкá. Мы ходили в марлевых накидках, защищая от гнуса не только лицо, но и уши, и шею; откинуть марлю было невозможно, у курильщиков на месте рта образовались никотиновые пятна. В воздухе висели чёрные гудящие шары, вдоль барачных шастали фигуры в белом, то ли бедуины, то ли мумии; Сальвадор Дали калмыцкого разлива.

Зато теперь с изнанки стройотрядовского куртеца был пришит самодельный кармашек, а в кармашке — пачка новых серых сторублёвок. Всю дорогу приходилось корчить из себя мерзляку; я накидывал куртку, полуспал, маринуюсь в солёном поту; проснувшись от резкого лунного света, в ужасе ошупывал подкладку. Уф. Порядок. Всё на месте. И заработанные деньги, и та довоенная запонка из тёмного безжизненного янтаря, пробитого медной заклёпкой. Вместо стерженька — короткая латунная цепочка с овальной пластиной-креплением. Священная реликвия *оттуда*.

Вообще-то я планировал вернуться к сентябрю, незадолго до защиты кандидатской, и заработал бы намного больше, как минимум тысячи две, а может, и две с половиной, но четыре дня назад я получил письмо. Прочёл его раз, прочёл два; смысл доходил до меня неохотно — как всегда бывает с неприятными вестями. Однако вариантов не было; что называется, приказ не обсуждают. Я отвёл в сторонку бригадира и промямлил что-то про невесту, попросившую вернуться. «Что, залетела? — ухмыльнулся бри-